

В. Г. РУДЕЛЕВ
(Тамбов)

СЛОВО В СЛОВАРЕ

В настоящей статье излагается нестандартная концепция слова и словаря, разработанная в рамках Тамбовской лингвистической школы (1). Статья продолжает собой серию обобщающих исследований по проблемам языкознания (и, в частности, русистики), отраженным в научных работах лингвистов, так или иначе причастных к Тамбовской школе (2). Полагаем возможным опубликовать в сборнике «Слово II» только первую часть нашего исследования о слове (она посвящена в основном проблеме выражения, формы этой лингвистической и языковой единицы); вторая часть работы, посвященная содержанию слова, будет опубликована в сборнике «Слово III» — после того, как некоторые положения нашей концепции будут обсуждены на Международном симпозиуме в мае 1997 года.

1. Что такое слово?

Концепция слова, разработанная в рамках упомянутой школы, касается в первую очередь самого слова, которое рассматривается, в отличие от общепринятых решений, не как «основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности...» (3), а просто как единица языка, т. е. единственная его единица; все остальное, что существует в языке, только обслуживает слово, создает его различительные признаки, или обслуживает речевые произведения, наиболее простым из которых является предложение (4). Одна из наиболее трудных сосюрговских проблем — о языке и речи — решается, таким образом, довольно элементарно: будучи механизмом порождения речи, который строится на системе знаков, язык ничего, кроме этих знаков, и не содержит (5); единственное, что полностью соответствует представлению знака, является слово (язык и

есть система слов = лексем); речи соответствуют единицы принципиального иного, более творческого характера — композиции, т. е. предложения и более сложные структуры аналогичного плана (6).

Само собой разумеется, что прежде, чем прийти к такому простому решению слова и предложения (= языка и речи), тамбовские языковеды долгое время не могли преодолеть известных постулатов о языке как системе эмических единиц («фонема», «морфема», «лексема» и т. п.) и о речи как стихии, где эти единицы имеют варианты («аллофоны», «алломорфы», «аллолексы» и т. п.) (7). Непродуктивность такого подхода, однако, еще в 60-е годы была доказана С. К. Шаумяном (8), который счел возможным отнести к языку и абстрактные и конкретные единицы (это, правда, касалось только фонем). В то же время представление языка и речи, которое находим в работах тамбовских ученых сегодня, лучше всего подтверждает мысль Ф. де Соссюра об индивидуальности речи и социальности языка: композиции всегда предполагают некоторый выбор языковых средств и отражают индивидуальные особенности построения речи; слово же даже в самых тонких, поэтических, построениях не теряет социальных черт и не превращается в единицу, не доступную пониманию (9).

Важно отметить и то, что слово в концепции тамбовских ученых не является чем-либо заданным (наряду с предложением, т. е. композицией). Достаточно, оказывается, лишь одного заданного конструкта — предложения, хотя и он, этот заданный конструкт, выводится из конструкта «речь» (предложение — минимальная речевая композиция, минимальное речевое произведение, имеющее жанровую отмеченность, но выступающее также и как элемент более сложных речевых композиций) (10). Что касается слова, то этот языковой (!) конструкт выводится из речевого конструкта «предложение»: слово — это композиция, предложение, выведенное из речи в язык и особым образом преобразованное, скомпрессированное, обработанное ради того, чтобы не занимать большого объема в языке; слово — своего рода знак, память о речевом тексте, который сопровождает, однако, слово как его толкование:

«ВОДА ж. стихийная жидкость, ниспадающая в виде дождя и снега, образующая на земле родники, ручьи, реки и озера, а в смеси с солями, моря. Кипящая вода обращается в пар, мерзлая образует лед; испарения водные (влага, мокрота, сырость) наполняют мироколицу, в виде облаков, тумана, дождя, снега и пр...» (11).

Или:

«ВОДА, —ы... Прозрачная бесцветная жидкость, представляющая в чистом виде химическое соединение водорода и кислорода...» (12).

Толкование слова — это и есть тот текст, который предшествует, а затем и сопровождает слово в человеческой языковой памяти и в словаре, отражающем эту память. При этом может быть так, что в скомпрессированном варианте текста, т. е. в самом слове (языковой единице!) следа речевого предшества не остается. Так, в слове «вода» нет ничего от понятия «жидкость», от признака «бесцветный» и всего прочего, что мы находим в дефинициях Даля и Ожегова. Судя по всему, и этимологические штудии не спасают. Например, в лучшем этимологическом словаре русского языка М. Фасмера (13) мы, окунувшись в индоевропейскую стихию, обнаруживаем и в греческом и во фригийском и во всех иных индоевропейских языках соответствия русскому слову «вода», уже утратившие связи с иными лексемами (по Гумбольдту и Потевне, потерявшие внутреннюю форму).

Иные слова, напротив, сохраняют следы такого предшества. Слово «учитель», например, содержит своего рода «проектор» ...ТЕЛЬ, который отражает понятие (=слово) «человек» («учитель — это человек, который чему-либо учит, обучает...»); слово «учитель» имеет своего рода «слайд», отражающий понятие (= слово) «учить»; этот «слайд» отличает слово «учитель» от слов с тем же самым «проектором»: «избиратель», «надзиратель», «шпаголотатель» и др. (14).

Конечно, описанный подход к интерпретации морфемной структуры слова (15) ничего общего не имеет с трактовкой морфемы как минимальной единицы языка (16) и вообще единицы языка: слово не состоит из морфем, оно лишь обнаруживает морфемное строение, отражающее текст, предшествующий данному слову.

2. Что можно отнести к слову и чего к слову отнести нельзя?

Предшествующее наше рассуждение (оно является результатом многолетних раздумий и штудий) приводит к выводу о примате предложения над словом и примате речи над языком! Можно, таким образом, представить предложения (элементарные тексты), не имеющие словесных эквивалентов (17), как можно представить и те элементы словесных предложений, которые не являются словами (18). Если лю-

бому слову предшествует (и сопутствует!) в качестве толкования речевая композиция, то к числу слов нельзя отнести различные конструктивные детали предложения (союзы, частицы, «союзные слова» и т. п.), поскольку данные элементы превратить в тексты невозможно (19). Определение предложения как сочетания слов или как отдельное слово, обладающее определенным признаком (20), бессмысленно: предложение не создается из слов, даже если оно и включает в себя слова, оно существует как конструкция, которая содержится в языковой памяти наряду с системой слов (лексем).

Ср. у Б. Пастернака:

«И когда твой блуждающий ангел
Испытает причалов напор,
Журавлями налажен, триангль
Отзвенит за тревогою хорд».

Устраняя из этой строфы (предложения) слова, мы не можем не оставить в нем того, что принадлежит предложению — независимо от слов:

И когда..., ... (во второй части приводимого предложения, впрочем, может быть вторая часть синтаксической конструкции «тогда»:

И когда..., тогда...).

Бессмысленно решать вопрос, сколько слов в конструкции «когда..., тогда...»: в ней нет ни одного слова. В логике давно уже осмыслено подобное явление, и знак функции (в данном случае импликации) не трактуется как особое высказывание (21). Представляется возможным видеть в символической, например, логике отражение языковых построений; но в таком случае и сами языковые построения (в их моделях) не должны отставать, отличаться от логических, быть архаичнее и беспомощнее последних. Но это значит лишь одно: элементы синтаксических конструкций, каркасы высказываний, не могут представляться как слова или группы слов, они не могут также включаться в словарь (22).

Особую трудность представляют так называемые «союзные слова», которые образуют не предложения, а их составные части (члены предложения). Ср.:

«Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок...»
(«Та..., в которой или где..., была...»).

Конструкция «та..., в которой...» аналогична уже рассмотренной синтаксической конструкции типа импликации (23), но она оформляет только тематическое подлежащее (24), а не все предложение; слов в этой конструкции нет также, хотя они предполагаются как наполнители.

Элементы синтаксических конструкций — только один из видов так называемых «служебных частей речи» (или «частей речи») (25), не имеющих ничего общего со словами (26). Второй группой слов-самозванцев оказываются элементы словоформ — в русском языке это в основном предлоги.

Конечно, чисто формальный (кибернетический) подход к слову (определение слова как суммы букв от пробела до пробела) (27), заставляет предлог считать самостоятельным словом-знаком. Но ведь в падежной парадигме:

«Судьба, судьбы, судьбе,
Судьбою, о судьбе...» (Б. Окуджава) —

вариант слова «судьба», представленный падежной формой с предлогом, — такой же элемент парадигмы, как и все остальные: «судьба», «судьбы», «судьбе», «судьбою»... Будучи элементом словоформы, которая является падежным вариантом слова «судьба», предлог «о» оказывается и элементом слова (в одной из его форм, в одном из его вариантов). Можно ли, имея такой факт, считать предлог словом? Думается, нельзя. В исследованиях тамбовских языковедов это давно уже принято к сведению (28), как принято к сведению и то, что словом нельзя считать междометное предложение, даже состоящее из одного междометия.

Выражение «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!», не содержащее ни одного реального слова, столь же не словесно, сколь несловесно и выражение типа «Ах!» или «Ахти!» («Ахти, ребята, вор!» — И. А. Крылов). Как следует из нашего рассуждения, Тамбовская лингвистическая школа предпочитает (возможно, здесь более уместно выражение «вынуждена предпочитать») освобождение системы слов (лексем) от всего, что лишь внешне напоминает слова: от союзов и частиц, от предлогов, от междометий, в то время как иные лингвистические школы стремятся всю линию букв, соотносимо с предложениями, считать цепью слов; в эту цепь включаются так называемые «модальные слова» и «эмоциональные лексемы» и т. д. — списки частей речи доходят до нескольких десятков (29). Мы считаем подобный механический подход непродуктивным, имеющим незначительную объяснительную силу, противоречивым и неэкономным (30).

Сохраняя звания слов только за полнозначными словами и лишая такого звания «слова» служебные, а также междо-метные фразы, мы тем самым значительно упрощаем словарь, усиливая и расширяя грамматику. Подобных расширений грамматики предполагается еще немало.

3. Границы слова в тексте.

Идея двусловных и многословных слов. (Аналитизм и подобные ему явления).

Не отрицая формальный метод обнаружения и описания слов, мы не можем принять его крайние, примитивные разновидности, которые обнаружили при обращении лингвистов к теории машинного перевода (31). Формалистическая болезнь не прошла и мимо тамбовских исследователей слова, в 70-е годы пришедших к отрицанию аналитических форм (32). Эта слабость была, конечно, преодолена, но не сразу и не просто (33). Между тем, признавая предлоги элементами словоформ и лишая их словесной автономии, нетрудно это сделать и в отношении таких сочетаний, как «буду читать», «была объявлена», «начну собираться» и под. Если «читаю», «читал» объявляются формами одного и того же слова «читать», то естественно считать формой того же слова и «буду читать».*

Относительно так называемых «кратких причастий» типа «съедена», «прочитана», «расколота» и т. п. еще в 1952 году Академической грамматикой (34) был сделан интересный, хотя и не очень категоричный, вывод: это уже не причастные формы; в современном русском языке они — обыкновенные формы видового и залогового содержания. Гоголевская фраза «сия дыня съедена...» вырвана из парадигмы:

* Перед нами три временных формы глагола «читать», при этом вовсе не обязательно считать аналитической формой только «буду читать»; в прошлом аналитической была и форма «читал» («есмь читалъ»); может быть, она так и осталась аналитической, превратив ранее наблюдаемому связку в нулевую, не наблюдаемую?

Решать, однако, эту проблему — лишнее дело: в конце концов важно отметить не аналитическое слово, а то, что это именно слово. Историческое изменение (в данном случае устранение из речи избыточной связки) только доказывает факт однословности выражения «есмь читалъ», в котором, конечно, при желании и формалистическом упорстве можно видеть два слова. Но два слова в одно не превращаются: в одно слово может превратиться только одно слово.

«я ем сию дыню (действ, залог, несов. вида),
«я съел сию дыню (действ, залог сов. вида).

Если включить в число глагольных форм еще и сочетания инфинитива с модальными глаголами и иными словами, имеющими модальное значение («люблю читать», «должен защищать», «рад представиться», «хочу поехать» и т. д.), окажется совершенно непродуктивным термин «составное сказуемое» или «сложное сказуемое»: таковых не окажется вовсе, и сказуемые, выраженные аналитическими формами глагола, надо будет признать простыми (35). Однако именно для этих случаев были введены, как нам кажется, подобные термины (36).

Рассуждения об аналитических (двусловных) словах (или формах) были затеяны в настоящей статье не ради конструкций типа «буду работать» или «была съедена»: эти формы осмыслены подобным образом, хотя и не до конца, уже давно (37). Речь пойдет об иных языковых материях, к которым надо подходить через понятие словосочетание. Само это понятие «словосочетание» запутано, доведено до абсурда. Если оставить в неприкосновенности теорию членов предложения (в том числе — и второстепенных), то места для словосочетания в теории синтаксиса не останется вообще (38); если же открыть дорогу словосочетанию и устранить учение о членах предложения, то синтаксис потеряет функциональную направленность и семантическое напряжение; между тем, именно теория членов предложения достигла в последнее время необыкновенного успеха, дав лучшее, что только можно было предположить,—теорию актуального членения (39).

В работах тамбовских языковедов была найдена некая компромиссная модель решения, которая вполне согласуется с трансформационной теорией Н. Хомского (40). Суть указанной компромиссной теории заключается в том, что словосочетанием объявляется не всякое сочетание слов (членов предложения) в простом высказывании, а только таких, которые можно развернуть в самостоятельные предложения и представить как предложения (41). Ср.: «На столе лежали красные розы»: в этом предложении контаминируют два самостоятельных высказывания: 1) «На столе лежали розы» и 2) «Эти розы были красные». Словосочетание «красные розы» способно трансформироваться в предложение (по Хомскому, здесь только и начинается трансформация), поэтому оно и словосочетание, как словосочетание — структура типа «движение поезда», «доблесть солдата», «два стакана молока» и под. (42).

С другой стороны, такие структуры, как «железная дорога» и «Красная армия», над которыми голову ломал еще А. А. Шахматов, не преобразуются в предложения. Это и есть двусловные слова (43), которые в словарях надо подавать не в статьях «дорога» и «армия», а в совершенно самостоятельных разделах, не жалея словарного пространства.

О глагольных словосочетаниях в тамбовских кругах стали говорить только недавно (44), и, если признак способности трансформироваться в предложение применять и в этих случаях, то под глагольное словосочетание подойдут только структуры типа «ловить рыбу», «закрывать окно» и «любить гречневую кашу», где отмечаются объекты в вин. падеже, способные становиться подлежащими с объектным значением: «Рыба здесь ловится», «Окно было закрыто», «Гречневая каша мной не любима». В предложении «Старик ловил неводом рыбу» (А. Пушкин) — только одно словосочетание: «ловил рыбу»; «ловил неводом» и «старик ловил» — не словосочетания, а сочетания членов предложения (вот так удивительно интересно накладываются друг на друга главные и второстепенные члены предложения и сочетания слов — внутри членов предложения; в данном случае — внутри сказуемого, и без того распространенного обстоятельством или дополнением «неводом»).

Но — странная особенность языка! В пушкинском примере имеется в виду вовсе не наблюдаемое действие, когда «старик» «ловил рыбу» и «поймал золотую рыбку», а сам факт его причастности к рыбной ловле. Старик ловил рыбу даже тогда, когда он ее не ловил, когда был шторм, когда он спал в ветхой землянке. Старик был рыбак, и это его качество (профессия что ли?) выражено уже и не словосочетанием, а словом «ловить рыбу», которое не преобразуется в предложение «Рыба здесь ловится».

Еще об одном виде двусловных слов скажем, забегаю немного вперед. Речь идет о таких структурах, как «давать обещание», «выражать недоуменье», «ставить вопрос», «находиться на отдыхе» («быть на заслуженном отдыхе») и т. д. Несколько позже будет рассказано о мимикрических субстантивных формах типа «обещание» (от «обещать»), «выражение» (от «выражать»), «отдых» (от «отдыхать») и т. д. Обычно такие слова (?) подаются в словарях как субстантивы от глаголов, а сами глаголы определяются через эти субстантивы (?): «обещать» · давать обещание · и

т. д. Подобный круговорот семантики наивен: «давать обещание» и «обещать» — одно и то же, это только стилистические варианты слово «обещать»* (45).

При этом, как ни странно, «обещание» является производной (мимикрической) формой одновременно и от «обещать» и от «давать обещание». Такие парадоксы в исследованиях по русскому языку до сих пор не отмечались.

Подводя итоги, этой части работы, мы подчеркиваем мысль о невозможности считать словами и, следовательно, вносить в словари:

- 1) союзы,
- 2) предлоги,
- 3) различного рода частицы,
- 4) междометия,
- 5) связку и иные «вылинявшие» глаголы.

В словарных статьях нуждаются двусловные слова типа «железная дорога», «ловить рыбу» и под. Как стилистические дублеты слов типа «обещать», «побеждать», «спрашивать» и под. следует рассматривать даже и не двусловные (!) слова типа «давать обещание», «одерживать победу», «ставить вопрос» и под.

4. Мимикрия

В этой части работы мы постараемся осветить вопрос о формах слова, которые обычно подаются в словарях как отдельные лексемы. Речь не идет, к примеру, о формах множественного числа существительных, которые еще в рамках формальной школы Фортунатова казались самостоятельными словами (46), и не об уменьшительных формах существительных, насчет которых так и мог сделать решительных выводов Л. В. Щерба (47); мы оставляем также без рассмотрения вопрос о глагольной парадигме времени и наклона и всего прочего, вчера еще не ясный нам самим (48);

* В свое время, выступая перед работниками тамбовских газет, я обратил внимание на то, что выражение «допускает некоторое невыполнение плана» равно слову «не работает как надо». Со мной согласились, но сказали, что критикуемый мною газетный штамп полезен тем, что благодаря ему цензура пропускает острые материалы, которые в иных случаях были бы отвергнуты: нельзя же говорить, что какой-то завод не работает. Нет, он работает, но допускает...

Теперь, оказывается, наступила пора прямых выражений.

речь пойдет о мимикрических формах глагола, прилагательного и имени, мысль о которых у тамбовских языковедов закрепилась не раньше конца 70-х годов (49).

Что такое мимикрия и почему она существует в языке? Мимикрические формы возникают в результате нейтрализации частей речи в слабых позициях — это архилексемы, которые по форме представляют одно, а по значению — совершенно иное. Впервые мимикрические формы были обнаружены у глагола и прилагательного (качественно-предикативного слова) (50) — это были субстантивные формы типа «бег» и «доблесть» (51), затем субстантивные формы были найдены у числительных («семерка») (52) и только в 1990 году — у наречий («зима», «лето» и «площадь», «город») (53). Н. В. Челюбеева в 1988 году описала все мимикрические формы прилагательного, в том числе и наречные (54) («тихо», «по-русски», «далеко»); ею же был закрыт вопрос о категории состояния — путем констанции безлично-предикативных форм («в доме было тихо»). Итогом рассуждения о мимикрии стала работа В. Г. Руделева 1996 года (55), но самым интересным все же было открытие мимикрии наречия («зимой» — собственная форма наречия, «зима» — его мимикрическая, субстантивная форма).

Мимикрия — прогрессивное, продуктивное явление языка, служащее сокращению пространства во имя увеличения скорости передачи информации (56). В качестве примера такого сокращения языкового информационного пространства и образования острой экспрессии приводится стихотворение А. Фета «Шепот. Робкое дыхание...»

Открытие мимикрии оказалось важным для лексикографии, оно позволило относить в одну глагольную статью не только причастия и деепричастия (адъективные и наречные формы глагола), но и субстантивные его формы, в словарях подающиеся не только как самостоятельные лексемы, но и как некие базы для образования глагольных лексем (ср. определение «обещать» как «давать обещание» и т. п.). По сути дела были подорваны основания для рассуждений об абстрактной субстантивной лексике (57): никаких абстракций и подобного в формах типа «отход» («отходить»), «обещание» («обещать») не оказалось, как не оказалось у этих форм и предметных значений, своего рода «опредмеченного действия» (58).

Очень важным стало помещение в одну словарную статью таких форм качественно-предикативного слова, как «тихо» («сказал тихо» и «в доме было тихо») и «тишина» (субстантивная форма прилагательного «тихий», «тих»), а с другой

стороны — объявление субстантивной мимикрией таких форм, как «золотой», «деревянный», «отцов», «лисий» и т. п. Но вот уж мимикрия форм «зима», «лето», «круг», «шар», «стрела», «площадь», представляющих начала парадигм, в которых подлинно наречными оказываются формы «зимой», «летом», «кругом», «шаром», «стрелой», «на площади», для составителей русских словарей окажется потрясающим парадоксом.

Итог рассуждения о мимикрических формах можно представить в виде следующей таблицы:

Мимикрические формы:

	Г	П	Ч	Н	С	
Г	+	—	—	—	—	Г—глагол,
П	+	+	+	+	+	П—прилагательное,
Ч	—	—	+	—	—	Ч—числительное,
Н	+	+	+	+	—	Н—наречие,
С	+	+	+	+	+	С—существительное.

Первая строка таблицы демонстрирует только отрицательные значения, если не считать первого столбца (здесь знак + обведен кружком: это не мимикрическая форма, это глагол, смешавшийся с самим собой, т. е. это — просто глагол); никакие части речи с глаголом не смешиваются, глагольных форм нет ни у одной части речи, кроме самого глагола.

Вторая строка дает всюду положительные значения (пересечение П : П помечено плюсом, но обведено кружком — это символ собственно адъективных форм); но и все иные части речи имеют адъективные формы (адъективная форма глагола — причастие, «идущий»; адъективная форма числительного — порядковое числительное: «первый»; адъективная форма наречия — «зимний», существительного — «золотой» (59).

Третья строка полностью отрицательная, кроме пересечения Ч : Ч с числительным ни одна часть речи не смешивается.

Четвертая строка: наречная форма глагола — деепричастие («идя»), прилагательного — «тихо», числительного «два раза» (60); арх. «дважды»; существительное не смешивается с наречием, но раздваивается в семантике: «дом»₁ 'строение', 'здание' («флаг над домом») — «дом»₂ 'интерьер', 'квартира' («в доме тепло»); ср. еще «на шкафе» и «на шкафу», «на дубе»₁ и «на дубу»₂; сюда же, видимо, надо от-

нести: «на нефть»₂, «на газу»₂ — как наречные падежи — и, следовательно, существует раздвоение слов «газ» и «нефть» на два — субстантивное и наречное (61).

Пятая строка: субстантивная форма глагола («ходьба»), прилагательного («доблесть»), числительного («тройка»), наречия («зима»).

Важные открытия были сделаны тамбовскими учеными в области дейктических слов (местоимений) и в области слов-символов («собственных слов»). Как местоимения, так и собственные слова необходимо подавать в словаре (62).

Термин «местоимение» довольно устарел: дейктические слова заменяют собой не только имена, но и наречия, которые никто никогда к именам не относил (63); только глаголы не имеют дейктических замен, хотя и на этот счет есть иные соображения. Местоимение — это не часть речи, а совокупность частей речи (существительное, числительное, прилагательное и наречие); само собой разумеется, что в местоимениях, как и в обычных частях речи, есть мимикрические формы (ср. «я» и «мой», «ты» и «твой»; «здесь» и «здешний» и т. д.).

Собственные слова разделяются на имена (названия—символы людей, животных) и на наречия (названия городов, рек, стран и т.п.). Собственные адъективы («парижский», «английский», «сибирский» и под.) — суть только адъективные формы соответствующих имен и наречий.

Дело осложняется тем, что многие адъективные формы собственных слов превращаются языком в качественные прилагательные (качественно-предикативные слова); такие процессы происходят и с иными адъективными формами: «русский» — не просто адъективная форма собственного слова «Русь», это еще и качественное прилагательное (не собственное!) с определенным отражением качества, отсюда и «качественное наречие» «по-русски» (в действительности это только наречная форма качественно-предикативного слова); ср. еще «золотой»₁ 'из золота' и «золотой»₂ 'драгоценный', 'в высшей степени положительный', 'хороший' (64)².

Подводя итоги этой части работы, смеем утверждать, что в словарь при подаче в нем русских лексем нельзя, кроме междометий, предлогов, союзов и частиц, вводить отдельными статьями:

1) мимикрические формы глагола (причастия, деепричастия, субстантивные формы типа «уход», «отправление»),

2) мимикрические формы прилагательного (так называемые «качественные наречия» и слова «категории

состояния»): «тихо», «по-русски» и т. д., а также субстантивные формы этой части речи («доблесть», «честь», «красота»),

3) мимикрические формы наречий, существительных, числительных.

В словарь необходимо ввести собственные слова русского языка (за вычетом их мимикрических форм). Может быть, это будет отдельным том толкового словаря, но это непременно должно быть. Это должно быть еще и потому, что наблюдается нейтрализация апеллятивов и собственных слов (65).

Примечания и литература

1. 20 лет поисков и обретений: Предисловие к сб.: Слово I, посвященному 20-летию Тамбовской лингвистической школы. Тамбов: ТГУ, 1996. С. 3—21. Ю. Орлицкий. 2—4 октября. Тамбов. Государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию. Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. Кафедра русского языка. Академия Зауми. Международная научная конференция «Слово», посвященная 20-летию Тамбовской лингвистической школы // Вестник гуманитарной науки. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1995. № 6 (26). С. 5—8. Кафедра русского языка // Кредо: Обществ.-полит. и лит.-худ. журнал. Тамбов, 1994. № 11. С. 76—79.

2. В. Г. Руделев. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовского университета: Серия: Гуманитарные науки. Вып. I. 1996. С. 83—89.

3. В. Г. Гак. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 464—467. В. Г. Гак опирается на работы о слове А. М. Пешковского, О. С. Ахмановой, Р. А. Будагова, Д. Н. Шмелева, А. А. Уфимцевой, Э. М. Медниковой, В. В. Виноградова, Е. М. Верещагина, Е. М. Костомарова, а также на труды зарубежных языковедов А. Росетти, У. Вайрайха, А. Мартине, И. Крамского, А. Рея и др.

4. В. Г. Руделев. Слово в лексической системе языка: Учебное пособие по русской лексикологии. Тамбов: ТГПИ, 1984. С. 3—16. **Его же.** Русский язык. Учение о предложении: Учебник для 8—9 классов. Тамбов: ТГПИ, 1992. С. 7—16. В. Г. Руделев и О. А. Руделева. Вначале было слово: Популярная лингвистическая теория для учеников национальных школ. 5—7 классы. Тамбов: ТГУ, 1995. С. 5—9.

5. В. Г. Руделев. Учение о предложении... С. 13—15. **Его же.** Программа для средней школы. 1990/1991 учебный год // Теория и практика преподавания русского языка: Межвуз. сб. научных работ. Тамбов: ТГПИ, 1991. С. 143—161. **Его же.** Слово // Лингвистика: Взаимодействие концепций и парадигм. Материалы межведомств. научно-теоретич. конф. (Харьков—Сочи). Вып. I. Часть I. Харьков, 1991. С. 70—72. **Его же.** Предложение — словосочетание — слово // Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспектах: Обл. научн. конф. «Проблемы деривации и номинации в русском языке»: Тез. докл. Омск: ОГУ, 1988. С. 5—7. **Его же.** О единицах языка и речи // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур: Текст. Коммуникация. Перевод. Тезисы научно-практ. конф. Казань: 27—30 сент. 1989 г. Часть I. Казань: КГУ, 1989. С. 10—12. **Его же.** Слово о слове // Материалы Междунар. лингв. научн. конф. 2—4 окт. 1995 г. Тамбов: ТГУ, 1995. С. 3—4.

6. В. Г. Руделев. Синтаксис глазами фонолога // Исследования по семантике: Семантические аспекты синтаксиса. Межвуз. сб. Уфа: БГУ, 1985. С. 11—18. В. Г. Руделев, О. А. Руделева. Тексты междометные и словесные // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур: Текст. Коммуникация. Перевод. Тезисы научно-практ. конф. Казань, 27—30 окт. 1989 г. Часть I. Казань: КГУ, 1989. С. 76—78. В. Г. Руделев. Типология текста: диалог, монолог, хор // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц: Тез. докл. и выступл. на совещании. М.: Ин-т языкознания АН, Воронежск. ун-т, 1991. С. 169. О. А. Руделева. Прагматика диалога // Там же. С. 170. **Её же.** Экология учебника и словаря // Тез. докл. к научн. конф. преподавателей. Тамбов: ТГПИ, 1993. С. 3—4.

7. В. Г. Руделев. Об основных постулатах современной лингвистической теории // Грамматические классы слов русского языка: Сб. статей. Тамбов: ТГПИ, 1976. С. 5—18. См. также статьи И. В. Олонцевой, Р. П. Афанасьевой, И. К. Носовой и М. И. Ивановой, помещенные в данном сборнике.

8. С. К. Шаумян. Двуступенчатая теория фонем и дифференциальных элементов // Вопросы языкознания, 1960. № 5; **Его же.** Проблемы теоретической фонологии. М., 1962.

9. В. Г. Руделев. Принципы сегментации поэтической речи // Поэтика литературы и фольклора: Сб. статей. Воронеж: ВГУ 1979. С. 72—78. **Его же.** Что такое поэтический язык? // Державинские чтения: Мат-лы научн. конф. преподавателей. Тамбов: ТГУ. Русский язык, литература, иностр. языки. 1995. С. 3—4.

10. Такое определение предложения оказывается неожиданным преодолением тяжелых дефиниций, учитывающих огромное число признаков, по большей части малоосмысленных («относительно 32-

конченная мысль», «кусочек реальной действительности», «предикативность», «модальность», «интонационная завершенность» и т. п.). Ср. В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения // в его кн.: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53—55, 93—94, 101, 105, 110, 112, 227—228, 254—294, 317, 319 и др.

11. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1. С. 218—219.

12. С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М.: Советск. энциклопедия, 1972. изд. 9-е. С. 82.

13. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. Т. I. М.: Прогресс, 1986. С. 330.

14. Обратный словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 557—563.

15. Впервые он был предложен О. А. Руделевой (Некоторые аспекты русского словообразования: На материале тамбовских говоров // Опыт исследования южнорусских говоров Тамбовского края: Сб. статей. Тамбов: ТГПИ, 1985. С. 57—72). См. также: В. Г. Руделев, О. А. Руделева. Назначение лексической деривации // Функциональное взаимодействие формы и содержания языковых единиц: Сб. статей. Воронеж, 1988. 3.48 с. в ИНИОН 03.11.88. № 36008. С. 38—41. То же в: Общие проблемы деривации и номинации в русском языке. Словообразование в аспекте взаимодействия единиц разных уровней языка... Тез. докл. Омск: ОГУ, 1988. С. 67—70.

Подобный подход отмечен в работах О. М. Ким (Ташкентская лингвистическая школа) и О. И. Блиновой (Томская лингвистическая школа). Из наиболее новых по времени работ см.: А. Д. Адилова. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименования птиц). Автореф. дис. ...канд. филолог. наук. Томск, 1996.

16. Ср.: В. А. Виноградов, С. А. Крылое, А. К. Поливанова. Морфема // Лингвистический энциклопедический словарь... С. 312—313. Здесь ссылка на работы Ю. С. Маслова, А. Мартине, Г. А. Клямова, Л. Блумфила, Н. Д. Арутюновой и др. Заметим, что представление морфемы как элементарного знака превращает слово в чисто операционную единицу (А. Мартине. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: изд. иностр. лит., 1963. С. 466—472). Русской традиции такое представление слова, разумеется, не свойственно. И в этом смысле удивляет попытка перейти от словарей слов к так называемым «словарям» морфем именно русских лингвистов. Ср.: А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986.

17. В. Г. Руделев. Русский язык. Учение о предложении. С. 11—13. В. Г. Руделев, О. А. Руделева. Тексты междометные и словесные // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур... Часть I. Казань: КГУ, 1989. — С. 76—78.

18. В. Г. Руделев. Учение о предложении. С. 13—18.

19. Ср. определение предлогов, например, предлога «в» («во») у С. И. Ожегова: «В (ВО), предлог. 1. с вин. и предл. п. ...» Такое определение было бы под стать определению приставки, или флексии, или какой-либо иной иной морфемы. Но никому не приходит в голову считать окончание или приставку (даже постфикс «ся») самостоятельным или хотя бы служебным словом.

20. Ср.: Грамматика русского языка. II. Часть первая. М.: изд. АН СССР, 1954. С. 64—65. А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. II. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1958. С. 7. И т. д.

21. С. Клини. Математическая логика. М.: Мир, 1973. С. 11—41.

22. Ср.: В. В. Виноградов. Русский язык. Учение о предложении. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1972. С. 520—566.

23. В. Г. Руделев. Русский язык. Учение о предложении. С. 79—80.

24. Там же. С. 87—90. Идея сложноподчиненного подлежащего была в 1981 году высказана нашей ученицей Н. Легейдой (к сожалению, дипломное сочинение Н. Легейды до сих пор не опубликовано).

25. В. В. Виноградов. Русский язык. С. 520.

26. В. Г. Руделев, О. А. Руделева. Вначале было слово. С. 32—33.

27. А. В. Гладкий. Математическая лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 287—288. В библиографическом списке указаны работы О. С. Кулагиной, Н. Хомского, И. А. Мельничука, С. Маркуса, Б. В. Сухотина, И. П. Севбо, В. Х. Парти, Р. Монтегю и др.

28. В. Г. Руделев. Существительное в русском языке. Тамбов, 1979. С. 16.

29. Движение в этом направлении было начато еще Л. В. Щербой, запустившим в обиход конструкт «категория состояния». В. В. Виноградов и поддержал Л. В. Щербу и продолжил список частей речи, включив в него так называемые «модальные слова и частицы» (указ. работа, с. 568—582). Логическое продолжение этих попыток в: А. Я. Баудер. Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллинн, 1982. С. 171.

30. О. А. Руделева. Оппозитивная теория частей речи // Лингвистика; Взаимодействие концепций и парадигм. Вып. I. Харьков, 1991. С. 139—142.

31. В. М. Андрищенко. Машинный фонд русского языка: Постановка задачи и практические шаги // Вопросы языкознания, 1985. № 2.

32. Грамматические классы слов русского языка. Тамбов: ТГПИ, 1976. С. 44. Формы типа «буду читать» считаются авторами сборника балексемными по причине их проникаемости. Между тем, постулат о непроницаемости слова, явн), оказывается надуманным и чрезвычайно жестким.

33. В. Г. Руделев. Существительное в русском языке. С. 16. **Его же.** Принципы морфологического анализа слова // Деривация и полисемия: Межвуз. сб. научн. трудов. Тамбов: ТГПИ. С. 158—163.

34. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд. АН СССР, 1953. С. 504—506. Ср. с. 514.

35. Ср.: В. Г. Руделев. Русский язык. Учение о предложении. С. 56—57.

36. Между тем, уже в Академической грамматике 1954 года (т. II. Синтаксис. Часть первая) сказуемое типа «не будет драться» или «будут спускаться» (с. 396) не названо сложным или составным, хотя отдельно (во всей совокупности проблем) и не рассмотрено; сложным сказуемым названо такое, которое составлено из личной формы глагола со значением начала, конца или продолжения действия и примыкающего инфинитива: «принялся тушить пожар», «начал беспокоиться», «начал выкликать» и т. д. Сложным названо и такое сказуемое, которое состоит из инфинитив и личной формы модального глагола: «мог изобразить», «не успевал прочитать» и под. (с. 411—416). Думается, однако, что и эти случаи со временем будут отнесены к числу грамматических, а не лексических, т. е. модальные глаголы, как и глаголы интродуктивные и ликвидаторные (см.: В. Г. Руделев, А. Л. Шарандин. Шифрующая роль глагольных грамматических категорий // Теория содержательной формы: Межвуз. респ. сб. лингв. статей, Тамбов: ТГПИ, 1981. С. 32—53), будут изучаться не в лексикологии, а в грамматике (морфологии).

Видимо, пока что целесообразно сохранить термин «сложное» или «составное» (для нас это одно и то же) для так называемого «именного» сказуемого, хотя понятие «именное» и неудобно и некорректно в синтаксисе (В. Г. Руделев. Русский язык. Учение о предложении. С. 50—56). Дело в том, что аналитические формы глагола (времени, например) не являются его имманентными формами, а принадлежат сказуемому как таковому; в случае именного или какого-то иного предикатива связка особенно ярко выступает как член предложения, правда, весьма низкого ранга.

37. В. В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 240.

38. Такого положения дел не без основания опасался В. В. Виноградов (там же, с. 221 и сл.).

39. Применительно к русскому языку теорию актуального членения предложения наиболее ярко представил И. П. Распопов (Актуальное членение предложения. Уфа: БГУ, 1961).

40. Н. Хомский. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М.: Изд. иностр. лит., 1962. С. 412 и сл.

41. В. Г. Руделев. Русский язык. Учение о предложении. С. 62—74.

42. Там же.

43. Вспоминаю подобные шахматовские примеры. В. В. Виноградов словно гасит проблему, объявляя фразеологизмы типа «железная дорога» каким-то метафорическим конструктом «фразеологическое единство» (Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140—144).

44. О. А. Руделева, В. Г. Руделев. Глагольные словосочетания. В печати.

45. О. А. Руделева. О «словосочетаниях» типа «давать обещание» // Валентность и сочетаемость на синтаксическом уровне языка и речи: Тез. докл. и сообщ. межвуз. научн. конф. 4—6 февр. 1991 г. Могилев: МГПИ, 1991. С. 87—88.

46. Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды. Т. I. М., 1956. С. 156.

47. И. К. Носова. Грамматическое учение Л. В. Щербы // Русские языковеды. Тамбов: ТГПИ, 1975. С. 48.

48. В. Г. Руделев. Место существительного среди других частей речи русского языка // Грамматические классы слов русского языка. Тамбов, 1976. С. 49—50.

49. В. Г. Руделев. Существительное в русском языке, 1979.

50. Там же.

51. Там же.

52. Там же.

53. О. А. Руделева. Существительное и наречие (На материале поэтических текстов А. Вознесенского) // Теория и практика преподавания русского языка. Тамбов: ТГПИ, 1991. С. 29—39.

54. Н. В. Челюбеева. Семантико-грамматические признаки качественно-предикативных слов в говорах Тамбовской области. Автореф. дис., канд. филолог. наук. Ленинград: ЛГУ, 1988.

55. В. Г. Руделев. Динамическая теория частей речи...

56. Там же.

57. Н. Г. Константинова-Витт. Функционирование абстрактных существительных в лирических произведениях А. С.

Пушкина // Типы текста и специфика функционирования языковых средств: Межвуз. сб. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 92—100.

58. В. В. Бабайцева. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Научн. докл. высш. школы. Филологические науки. 1983. № 5. С. 35—42.

59. В. Г. Руделев. Динамическая теория частей речи...

60. Там же.

61. Там же.

62. О. А. Руделева. О собственном имени в Толковом словаре // Актуальные проблемы нового академического словаря русского языка: Тез. 20—22 ноября 1990.—Л.; АН СССР, 1990. С. 8.

63. И действительно. Как назвать слова типа «здесь», «там» местоимениями, если они «заменяют» слова вроде «далеко», «близко», которые нельзя отнести к числу имен! Такое чисто терминологическое решение проблемы более, чем наивно. Но еще наивнее перенос этой терминологической путаницы в синтаксис, где запрещается считать составным сказуемым выражение наподобие «был дома» (в самом деле, если это составное сказуемое, то какое? — ведь его нельзя назвать ни глагольным, ни именным!).

64. Интересные наблюдения в области превращения адъективных форм в качественно-предикативные слова на материале поэзии К. Бальмонта проделаны нашей ученицей (студенткой 4 курса) Н. Г. Серебрянниковой (ее работа находится в печати).

65. Указанные процессы описаны в кандидатском сочинении О. А. Руделевой (Саратов, 1990).